

Когда Фэн Чжоу вышел из автобуса, на улицу уже опустилась глухая ночная темнота. Дорогу к дому он коротал, уткнувшись в телефон: разблокировал экран, намереваясь перевести Юй Шаочуню деньги за билеты. Но стоило ему поднять голову, как он заметил у электрического столба неподалеку смутный колеблющийся силуэт.

"Кто это еще?"

После недавней стычки его невольно бил мандраж. Первая же мысль — засада. Фэн Чжоу поспешно скользнул под тусклый свет уличного фонаря и побрел вдоль стены, вжимаясь в кирпичную кладку. Руки мелко дрожали, сжатые у груди в бессильные кулаки.

Даже подготовься он на все сто, в драке с настоящим уличным отребьем от него и мокрого места не осталось бы.

Пока в голове Фэн Чжоу теснились панические мысли, темная фигура шевельнулась и оперлась рукой о стену. Раздался вкрадчивый мужской голос:

— Тебе очень идет эта помада.

"Что за дела?"

Следом раздался кокетливый женский смехок:

— Умеешь же ты зубы заговаривать. Ну и когда ты наконец разведешься?

Тень виновато и как-то натянуто рассмеялась:

— Ну подожди еще немного. Вот сдаст сын экзамены, и тогда...

— Опять твой сын! — в голосе женщины прорезалось недовольство. — Я тоже могу родить тебе сына. Ты же сам говорил, что он как приبلудный пес — сколько ни корми, все равно предать готов. Зачем опять вешать мне лапшу на уши?

— Да я... — мужчина замялся, но затем в его голосе прозвучала расчетливая решимость: — Я еще раз все разузнаю. Главное сейчас — прибрать к рукам квартиру тещи. Тот район скоро пойдет под снос, там корячатся огромные отступные. Если разбежимся прямо сейчас, эта старая карга мне ни гроша не оставит...

Что они говорили дальше, Фэн Чжоу уже не слышал. Он медленно опустился на корточки, обхватив руками колени. В теле не осталось сил, конечности налились тяжелым свинцом, а в жилах будто застыла ледяная корка.

Там, в темноте, стоял его собственный отец. А рядом ворковала его новая пассия. И эти двое, привалившись к стене прямо под его окнами, деловито обсуждали, как прикарманить квартиру его бабушки, а потом благополучно развестись.

Остатки хорошего настроения после кино улетучились в один миг. В памяти всплыл смутно знакомый силуэт с массивным золотым перстнем на пальце, который он заметил на выходе из зрительного зала. Только сейчас до Фэн Чжоу дошло: отец со своей любовницей ходили на тот же самый сеанс. Он и раньше знал, что родители терпеть не могут друг друга и любой их разговор неизбежно перерастает в скандал. Но одно дело — догадываться, и совсем другое — вживую столкнуться с детонатором, который вот-вот разнесет их и без того полуразрушенную семью в щепки.

Он даже не знал, как поступить: прикинуться немым и промолчать или выскочить из укрытия и высказать врагу в лицо всё, что думает о его подлости. Обе затеи казались паршивыми.

Женщина одарила мужчину приторно-сладким прощальным поцелуем и упорхнула, покачивая бедрами и цокая каблуками. Отец остался в отличном расположении духа. Мурлыча под нос старую пошлую песенку о придорожных цветах, он бросил окурок на асфальт и зашагал к подъезду. Фэн Чжоу подождал, пока шаги окончательно стихнут, и только тогда медленно поднялся, опираясь на затекшие колени. Едва переставляя занемевшие ноги, он подошел к кучке недокуренных сигарет. Оранжевые огоньки все еще лениво тлели на сырой земле.

Эти окурки походили на крошечные огненные цветы, проросшие прямо из грязи — жалкие, незащитные. словно робкая надежда, которая из всех сил цепляется за жизнь, но стоит сделать один неосторожный шаг, и тяжелая подошва навсегда растопчет последнее тепло.

Лифт в подъезде, как назло, застыл на четвертом этаже. Фэн Чжоу тупо уставился на бездушные красные цифры на табло. Ему до тошноты не хотелось возвращаться в то место, которое они называли домом.

Разве это дом? Стерильная белизна стен, стойкий химический запах дезинфектора, который регулярно распыляла приходящая уборщица. Ни одного яркого пятна, только бесконечный, давящий белый цвет, напоминающий больничную палату. Каждое утро он просыпался в полном одиночестве. И засыпал по вечерам так же — один. Фэн Цинцин жила в безумном ритме бесконечных симпозиумов, лекций и дежурств. Для нее больница давно стала более родным местом, чем собственная квартира.

Раньше Фэн Чжоу наивно полагал, что отец хотя бы делом занят, пашет на благо бизнеса. Оказалось, Чжоу Ваньцзинь — стахановец совсем другого фронта, умудряющийся виртуозно совмещать и карьеру, и амурные похождения. Прямо-таки герой нашего времени.

Злость удушливой волной подкатила к горлу. Не сдержавшись, он с силой пнул металлическую дверь лифта. Помятая обшивка тускло блеснула в желтоватом свете лампы, словно скорчилась от боли, безмолвно отражая его собственное убожество.

Когда кабина наконец спустилась, Фэн Чжоу глубоко вздохнул, натянул привычную маску безразличия и открыл входную дверь. Резкий, хирургически-белый свет прихожей больно ударил по глазам, заставив его поморщиться.

Фэн Цинцин сидела на краю дивана, даже не сняв белый медицинский халат. Скрестив руки на груди, она буравила ледяным взглядом мужа, который неторопливо стаскивал пальто у вешалки. Наконец, выдержав тяжелую паузу, она процедила:

— Где ты был?

Чжоу Ваньцзинь небрежно бросил куртку на крючок:

— На деловом ужине. С клиентами.

— И как, клиенты мужчины или женщины?

— И те, и другие, — Чжоу Ваньцзинь обернулся и только сейчас заметил сына. На его лице промелькнуло мимолетное замешательство: — О, Фэн-бао, а ты откуда так поздно?

Фэн Чжоу ожёг его равнодушным взглядом:

— С одноклассником гулял.

— С мальчиком или с девочкой? — не унимался отец. — А семья у него состоятельная? Ты смотри, Фэн-бао, не вздумай якшаться с девчонками, у которых за душой...

Договорить ему не дала Фэн Цинцин, резко оборвав на полуслове:

— Я тебя спрашиваю: с кем конкретно ты жрал в ресторане?!

Чжоу Ваньцзинь швырнул кепку на диван и сорвался на крик:

— Да твою мать, я же русским языком сказал: с клиентами!

— С клиентами? — Фэн Цинцин зловеще кивнула. Она достала из сумочки маленькую картонку и с силой шлепнула ее на стеклянный столик перед собой. — И клиенты подсовывают тебе вот это?

Фэн Чжоу незаметно вытянул шею. На картонке размером с визитку красовался снимок девицы в откровенной позе, а рядом пошлым розовым маркером был выведен номер телефона.

Голос Фэн Цинцин так и сочился ядом, вся ее поза напоминала занесенный над раной скальпель:

— Только не ври мне, что карточка просто так завалялась. На обороте штамп стоит — «оплачено». Что, так понравилось, что решил сохранить на память? Может, мне ее в рамочку вставить и на стену повесить?!

Круглое лицо Чжоу Ваньцзиня мгновенно побурело, став цвета сырой печени. Он рванулся вперед, пытаясь выхватить улику, но жена намертво прижала картонку ладонью к столу.

— Раз уж хватило смелости кобелировать, так имей смелость признать это! Всё, завтра же подаем на развод!

— Ах ты тварь...

Отец остервенело стиснул зубы и, вцепившись жене в волосы, рванул на себя. Фэн Цинцин не ожидала от него такой низости. Потеряв баланс, она качнулась вперед, но тут же наотмашь ткнула кулаком мужу прямо в брюхо.

Чжоу Ваньцзинь скрючился и отступил на пару шагов, брызжа слюной и указывая на нее пальцем:

— Сука! Ты какого хрена в мою сумку полезла, дрянь паршивая?!

— Она сама оттуда вывалилась, так что рот прикрой!

— Да у тебя совесть есть, Фэн Цинцин?! Нам до официального развода год остался, сколько можно мотать мне нервы этой херней?! Перед кем ты тут заботливую жену разыгрываешь?

— Я разыгрываю?! — взвизгнула мать. — Я сутками из операционной не вылезаю, гроблю здоровье ради того, чтобы ты на мои деньги по бабам шлялся?!

— Ну-ка повтори! На чьи деньги?!

— Ты пришел в мою квартиру на всё готовенькое и еще рот открываешь?! Если бы не сын, я бы на одном поле с тобой срать не села, не то что разговаривать!

Очередная безобразная сцена захлестнула гостиную. В ход пошло всё, что попадалось под руку: вазы, книги, статуэтки летели из одного угла в другой. Фэн Чжоу стоял у самого входа,

вжав голову в плечи. Он не мог заставить себя ни войти, ни развернуться и уйти. Не желая видеть искаженные злобой лица собственных родителей, он зажмурился и начал судорожно прокручивать в голове зазубренные формулы, пытаясь отгородиться от этого кошмара.

В изолированной системе энтропия всегда возрастает.

— Да если бы не этот щенок, я бы с тобой давно развелся!

Все планеты движутся по эллиптическим орбитам, в одном из фокусов которых находится Солнце.

— Квартира нужна?! Да забирай, подавись! И выродка своего забирай! Оставьте меня оба в покое, ясно?!

Основные постулаты квантовой механики включают концепцию квантового состояния, уравнение движения и...

— Заткнись! Сын на тебя смотрит! Совсем крыша поехала?!

И... что там дальше?

Мысли спутались. На секунду ему показалось, будто его швырнули в ледяную воду — все звуки вокруг сделались глухими и далекими. Но сквозь эту вязкую толщу пробились слова, не имеющие никакого отношения к дележке имущества или любовницам. Они легко прошли его ментальную броню и безжалостно вонзились прямо в душу.

"Надо же... Оказывается, вы помните, что я здесь?"

"Десять лет назад вы шептались об этом за закрытыми дверями. А теперь выплевываете мне это прямо в лицо."

"Я что, сам умолял вас родить меня?"

Чжоу Ваньцзинь, сыпля отборными проклятиями и размазывая кровь из глубоких царапин на щеке, сорвал с вешалки куртку и с позором выскочил на лестничную клетку.

Входная дверь захлопнулась с оглушительным грохотом, окончательно разделив их реальность на две половины.

Резко наступившая тишина оглушала. Фэн Чжоу нерешительно сделал шаг вперед. Мать сидела прямо на полу среди осколков. Растрепанные волосы закрывали лицо, губы посинели.

От былой элегантности и холодного профессионализма не осталось и следа — сейчас она походила на безумного призрака, явившегося за чужой душой.

Услышав шорох, она вскинула голову. Ее тусклый, невидящий взгляд сфокусировался на сыне. Губы дрогнули, силясь выдавить хоть слово.

Фэн Чжоу молча смотрел на нее сверху вниз.

Их разделяло всего несколько шагов, но эта ничтожная дистанция казалась непреодолимой пропастью. Ни один из них не находил слов. В мертвой тишине квартиры отчетливо и равнодушно отстукивали секунды настенные часы.

Да и о чем говорить? Последний раз они обменялись дежурными фразами больше двух недель назад.

Удушающее безмолвие давило на грудь. Фэн Чжоу с трудом сглотнул скопившийся ком и хрипло выдавил:

— Я к себе.

Он резко развернулся, дошел до своей комнаты, захлопнул дверь и провернул ключ в замке — быстро, на одном дыхании.

Перед глазами всё еще стоял затравленный взгляд матери. Ему было страшно.

"Это была ненависть?"

Он слишком хорошо понимал природу ее злобы. Если бы их давнее супружеское соглашение оставаться бездетными не дало сбой, его бы вообще не существовало. Фэн Цинцин не пришлось бы уходить в декрет, из-за которого она лишилась перевода в престижную провинциальную клинику. Ей не пришлось бы сейчас гробить себя на ночных дежурствах и выгрызать зубами каждую категорию.

"Но разве я в этом виноват?"

Фэн Чжоу прижался спиной к двери и медленно сполз на пол, уткнувшись лицом в колени.

Подобные концерты устраивались здесь регулярно. В детстве родители еще пытались скандалить за закрытыми дверями, но взрослея, Фэн Чжоу стал невольным свидетелем их круглосуточной войны без правил. Поначалу его трясло от страха, но человек — существо живучее. Со временем он просто привык.

Когда кошмар сопровождает тебя всю сознательную жизнь, он становится обыденным, как дыхание.

Фэн Чжоу потерял счет времени. Телефон в кармане вибрировал без остановки, словно вознамерился донимать его до скончания веков. Наконец он утер лицо ладонью и достал трубку. Экран светился от уведомлений — больше десятка пропущенных в чате.

[Дженни Машидо]

[- Ты дома?]

[- Как доберешься, маякни.]

[- Эй? Ты где пропал, бро?]

[- Прием, ответьте! Земля вызывает Кеплера!]

[- Отличник Фэн? Ты тут?]

Глядя на эту лавину сообщений, Фэн Чжоу отчетливо представил, как Юй Шаочунь сейчас распинается перед ним, строча со скоростью пулемета. На душе потеплело, и он слабо, вымученно улыбнулся. Пальцы быстро набрали ответ:

[Черепаша Зенона]

[- Дома. Спасибо, что волнуешься.]

Ответ прилетел мгновенно:

[Дженни Машидо]

[- Фух, ну слава богу. А то я уже думал, тебя похитили, и мысленно репетировал харакири перед твоими предками.]

Фэн Чжоу горько усмехнулся.

"Предками? Да если я пропаду, они разве что фейерверки запустят от радости. Наконец-то сбросят балласт и побегут в загс оформлять развод под торжественные марши."

Он прислонился затылком к холодной стене и, повинаясь какому-то необъяснимому порыву,

отправил сообщение:

[Черепаша Зенона]

[- Как думаешь, в этом мире вообще существует бескорыстная, искренняя любовь?]

Едва кнопка отправки сработала, его обожгло стыдом. Не дожидаясь ответа, он лихорадочно дописал:

[Черепаша Зенона]

[- Забудь. Глупость сморозил. Сделай вид, что ничего не видел.]

<http://bllate.org/book/19050/1956158>